

Бытие человека и природы в творчестве Константина Бальмонта

Панищев А.Л.

Россия, Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета

*Чужда мне вся земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.*

К. Бальмонт [1, 4]

Познание окружающего мира есть процесс многогранный и сложный, отражаемый в различных областях жизни человека. Одной из таких областей является культура. Специфика познания естественно-физического бытия в системе культурных отношений несёт в себе определённую особенность, ибо предполагает изучение мира не просто как стороннего объекта познания, а, прежде всего, через призму человеческой сущности. Эта специфика обращает нас к проблеме соотношения природы человека и того окружающего его мира, в котором тот живёт. Такое соотношение оказывается отнюдь не простым, так как, при ближайшем рассмотрении поднятой темы, выясняется то определяющее положение вещей обстоятельство, что человек и мир в сущности онтологически чужеродны друг другу. Посему отнюдь не случайным является то, что, пока человек находится в естественном состоянии, процесс познания мира вносит больше загадок, нежели ответов. «Познание наше болезненно не потому, что субъект конструирует объект..., а потому, что всё бытие наше болезненно, что мир греховен, что всё в мире разорвано», – пишет Н.А. Бердяев [2, 127]. Только разрешение онтологического соотношения человека с миром позволит индивиду решить задачи гносеологии. Кстати, не без причины мыслятся далеко не беспочвенными, а во многом справедливыми библейские слова: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Евангелие от Матфея, 8 : 20). Действительно, природное состояние человека оказывается разрушительным для него самого, ибо для его выживания свойства человеческой природы редко бывают полезны. В данном случае ни в коей мере нельзя сослаться на примеры, указывающие на способность к выживанию многочисленных представителей фауны. «Животное – не доброе и не злое, а человек в животном состоянии дик и зол, он таков, каким не должен быть. Таким, каков от природы, он быть не должен, но должен быть таким, каков он есть посредством духа...» [3, 422]. Чтобы сила естественных, но вместе с тем предосудительных атрибутов жизни в природе всецело не поглотила человека, ему нужна среда, которая, хотя бы периодически, как бы вырывала его из мира животного выживания и обращала бы к человеческому бытию, наполненному духовным содержанием. Такой средой является культура, каковая, как результат человеческой деятельности, как правило, чужеродна

естественной природе, а потому почти в каждом своём феномене через творчество человека подчёркивает своё отличие, свою чужеродность миру материи. Одной из областей культурной деятельности является поэзия, в области которой мы проследим, насколько рельефно отражена проблема чужеродности человека тому миру, где проистекает его жизнь. Целью данной работы будет рассмотрение творчества знаменитого поэта, одного из зачинателей Серебряного века Константина Дмитриевича Бальмонта, а именно: отражение в ряде его произведений идеи сущностной чужеродности человека и естественно-физического мира.

В поэзии Константина Бальмонта нет явно очевидных идей христианского характера. Да и в целом, поэзия эпохи Серебряного века, за редким исключением, не отличалась особым, обострённым чувством религиозности. Такие слова, как *Бог, Господь, ангелы...*, в большей степени преследовали цель рифмовки, красивого поэтического оформления мыслей мирского характера. По сути в поэзии Серебряного века осуществлялась попытка утверждения человека как онтологически самодостаточного существа, то есть способного к своему целостному развитию вне религиозного опыта. Соответственно, поэты Серебряного века и методы для постулирования идей вырабатывали свои собственные, при этом выход из сложившихся сложных жизненных ситуаций служители муз видели в поиске «своей стези», собственного творческого пути. Недаром Марина Цветаева, высоко ценившая творчество Бальмонта, скажет ему: «Беспутный – ты, Бальмонт... все поэты беспутные, – своими путями ходят». Для иллюстрации вышесказанного приведу поэтические строки К. Бальмонта в его сонете «Проповедникам»: Я проповедь скажу на благо света, - / Не скукой слов, давно известных всем, / а звучной полногласностью сонета, / Не найденной пока никем» [1, 53]. В принципе нельзя однозначно утверждать, что способы выражения мыслей антропологического и сакрального характера были исключительно все ошибочны или кощунственны, однако видение себя в качестве субстанциональной основы для выработки таких методов на фоне полного или частичного неприятия христианской культуры неизбежно оставляло пространство для ошибочного видения природы человека, для искажения смысла религиозного опыта. Поэтому-то некоторые произведения таких поэтов, как Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Константина Бальмонта..., по своей сути богохульные. Если многими поэтами Золотого века воспевается любовь как данный свыше божественный дар, или же нередко их творения проникнуты чувством одиночества и непониманием их идей, устремлений со стороны общества, то, надо отметить, что в стихотворчестве того периода времени нет явного, непримиримого противопоставления человека физическому бытию, поскольку народ в целом в этот период отличался развитым религиозным сознанием. Не являлись здесь исключением и поэты, которые, живя в атмосфере православной культуры, ощущали себя частью духовного мира. В период же Серебряного века вырисовывается иная картина: становится возможна постановка темы отношений человека с физическим миром. Примечательно то, что эта мысль

отражена в творчестве К. Бальмонта, который в стихотворении «К Лермонтову» пишет такие строки: «Нет, не за то тебя я полюбил, / Что ты поэт и полновластный гений,.. За то, что ты нечеловеком был... Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»/ Ты говорил: «Как душно мне среди вас!» [1, 61]. Действительно, в век М. Ю. Лермонтова человек изначально понимал, что «мир сей лежит во зле», что, в общем-то, он чужд для человека, а общество, живущее законами этого мира, всегда будет «душным» для человека. Однако Лермонтов никогда не являлся «нечеловеком», ибо поэт не видел себя частью животного мира, не ставил знака равенства между добром и злом.

В начале XX века в быт общества, включая интеллигенцию, проникают марксистские идеи, в которых человек предстаёт частью этого мира, так сказать – наиболее развитым и социально организованным существом среди животных. В этом случае становится неизбежным конфликт старого типа мировоззрения, где главенствующим провозглашалось: человек есть образ Божий, – с новым мировоззрением, где человек уже представлен неким интеллектуальным зверем. Бесспорно, нельзя сбрасывать со счетов и то значение *нового* в поэзии, которое приносилось творческой интеллигенцией в окружающую действительность, а именно: было и то светлое мироощущение, та «очевидная красота» и очарование скрытого смысла: гимна извечному человеческому устремлению души к гармонии, от тьмы к свету. Поэтому не без причины власть творчества Бальмонта, как, впрочем, и его личности, в своё время была безграничной, и, как говорил поэт В. Адамович, «голос его слушала вся Россия». Хотя, справедливости ради, надо сказать, была и некая двойственность, какая-то туманность, смысловая размытость стихотворений Бальмонта, который и сам свою душу нередко ощущал «разорванной», «убогой», «уродливой».

Вместе с тем, надобно вновь подчеркнуть то, что в поэзии многих представителей Серебряного века, в том числе и К. Бальмонта, мы замечаем признание того, что человек онтологически чужероден естественно-физическому бытию, что мысль человеческая потенциально шире и богаче, чем тот мир, в котором человек существует. В творчестве К. Бальмонта через осознание им чужеродности естественного бытия человеку нередко видится осмысление поэтом того, что самостоятельное бытие для человека пагубно. Так, К. Бальмонт пишет: «Я насмерть поражён своим сознаньем, / Я ранен в сердце разумом моим. / Я неразрывен с этим мирозданьем, / Я создал мир со всем его страданьем. / Струя огонь, я гибну сам, как дым... Живя у самого себя в неволе, / Я ранен насмерть разумом моим» [1, 50]. Тем не менее поэт констатирует только лишь свою смерть, как факт, за которым нет стремления к воскрешению. Это подобно признанию порока в качестве порока, но без сожаления о том, что он совершён; напротив, здесь прослеживается своеобразное приукрашивание порока, придание ему ореола романтики. В этом отношении весьма показательным стихотворением Бальмонта «Голос дьявола», в котором он в поэтически-романтическом виде представляет сатану, но при этом стремится поставить ярлыки на святых и Царство Божие. Именно такого рода подход к пониманию божественного стал одной из

предпосылок к установлению атеистической власти в России, спасаясь от которой бежали за границу многие представители Серебряного века, включая и самого Бальмонта.

Ещё более странным, эксцентричным выглядит стих Бальмонта «Бог и дьявол». Прочитав этот стих, не удивляешься, откуда в Советской России появилась атеистическая власть, хотя атеизм не выглядит столь греховным, как романтизация сатаны и придание ему той же силы, что есть у Бога. Кстати, недавно прочитал замечательную книгу «Отец Арсений», в которой даются такого плана нетрадиционные, но вместе с тем точные характеристики творчества, личностей поэтов «Серебряного века: «Каждый из поэтов постоянно писал и говорил о Боге – и сразу упоминает нечистую силу и Дьявола, а иногда здесь же сразу превозносит последних. В сущности, всё написанное вело к отрицанию Бога, насмешке над Ним, сопоставлению Божией Матери, святых с фавнами, Афродитой, Аполлоном...» [4, 655]. По сути, поэзия Серебряного века в большей степени оказалась сугубо индивидуальной, оторванной от общенародной культуры, и творчество К. Бальмонта здесь не является редким исключением.

Фактически поэзия Бальмонта во многом сошла к язычеству; даже не к зороастризму (на основе некоторых текстов Авесты Бальмонт написал стихи), а именно к языческой поэзии, которую считал «первичной и самобытной», и видел именно в ней основу любого творчества. Так, стихотворение «Гимн Солнцу», сборник «Сонеты солнца, мёда и луны» стали яркими вехами в творчестве Бальмонта, хотя последний сборник, несмотря на великолепные по форме стихи, уже не вызвал широкого одобрения читателей и был воспринят ими как повторение, как некий перепев уже давно созданного поэтом. К. Бальмонт воспекает и иные компоненты земного бытия. Да и сам поэт нередко ассоциирует себя с частью земного бытия, с его составляющими элементами (ветром, облаком). По сути в творчестве Константина Бальмонта мы видим тенденцию признания человека в качестве компоненты земного бытия; именно эта установка стала одной из ведущих в социал-дарвинизме и марксистско-ленинской философии.

Список используемой литературы

1. Бальмонт К. Стихотворения. М.: Транзиткнига, 2006. – 366 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2002. – 736 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии / Г.В.Ф. Гегель. – 2 т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1976. С. 533.
4. Отец Арсений. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2009. – 784 с.

Аннотация

В статье дан анализ поэзии К. Бальмонта. В работе пишется о том, что в творчестве Бальмонта чётко поставлена дилемма между человеческим и физическим мирами. В конечном итоге, Бальмонт, не будучи в силах

сделать выбор в пользу того или иного мира, по сути ставит знак равенства между миром духовно-человеческим (божественным) и inferнальным.

Summary

This article is devoted to the poems of K. Balmont. In the article notes that in the poems of K. Balmont clear stands the idea of dilemma between human's world and natural's world. However K. Balmont could not made the choice for benefit of one from these form of entity. At last, K. Balmont stood the equality sign between the sole's world (divine) and the infernal's world.

Панищев А.Л. Бытие человека и природы в творчестве Константина Бальмонта // Язык, литература и культура России в XXI веке: теория и практика. – Кельце, 2011. – С. 321-326.